
ПРЕДСТАВЛЯЕМ ИССЛЕДОВАНИЕ

DOI: 10.14515/monitoring.2018.6.17

Правильная ссылка на статью:

Мареева С. В. Жизненные шансы жителей столиц и провинций в массовом сознании // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 6. С. 365—385. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.17>.

For citation:

Mareeva S. V. (2018) Life chances of population in capitals and provinces in mass consciousness. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 365—385. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.17>.

С. В. Мареева
**ЖИЗНЕННЫЕ ШАНСЫ ЖИТЕЛЕЙ СТОЛИЦ И ПРОВИНЦИЙ
В МАССОВОМ СОЗНАНИИ**

ЖИЗНЕННЫЕ ШАНСЫ ЖИТЕЛЕЙ
СТОЛИЦ И ПРОВИНЦИЙ В МАССОВОМ
СОЗНАНИИ

LIFE CHANCES OF POPULATION IN
CAPITALS AND PROVINCES IN MASS
CONSCIOUSNESS

МАРЕЕВА Светлана Владимировна — кандидат социологических наук, заведующий центром стратификационных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: smareeva@hse.ru
<http://orcid.org/0000-0002-2057-8518>

Svetlana V. MAREEVA¹ — Cand. Sci. (Soc. Sci.); Center Director, Centre for Stratification Studies
E-MAIL: smareeva@hse.ru
<http://orcid.org/0000-0002-2057-8518>

¹ National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Аннотация. В статье на эмпирических данных общероссийских репрезентативных исследований рассмотрена проблема отражения в массовом сознании жизненных возможностей населения в различных типах населенных пунктов. Показано, что образ

Abstract. In the article, based on the empirical data of all-Russian representative studies, the problem of perception of life chances in different types of settlements in mass consciousness is analyzed. It is shown that the image of the provinces in terms of life chances available to their

провинции характеризуется в общественном сознании наличием возможностей создать достаточно комфортный микромир, в то время как жизнь в столицах, в представлениях россиян, дает более широкий спектр жизненных возможностей, связанных с реализацией достижительных целей. По сравнению с 2003 г., основной тенденцией в этом отношении стало сближение в глазах населения тех возможностей, которые существуют у жителей различных населенных пунктов, т.е. снижение остроты восприятия поселенческого неравенства. Хотя среди россиян однозначно доминирует мнение о преимуществе жизни в столицах с точки зрения открывающихся там жизненных возможностей, и сами жители столиц в большей степени удовлетворены различными аспектами своей жизни и выше оценивают имеющиеся у них жизненные шансы (причем это относится не только к сфере материального положения и потребления), однако степень реализации собственных жизненных планов оказывается у столичных жителей ниже, чем у жителей провинций. Более того, жизнь в столицах сопряжена не только с более широким пространством жизненных возможностей, но и с большей распространенностью определенных рисков, связанных с немонетарными аспектами жизни.

Ключевые слова: жизненные шансы, жизненные возможности, жизненный успех, социальные риски, типы поселений, поселенческое неравенство, массовое сознание, качество жизни

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №17-78-20125).

residents is characterized in the mass consciousness by the opportunities to create a fairly comfortable microcosm, while life in capitals, in views of Russians, gives a wider range of life opportunities associated with different types of goals. Compared with 2003, the main trend in this regard was the convergence of perception of the opportunities that exist in capitals and provinces, i.e. a decrease in the acuity of settlement inequality in mass consciousness. The belief in more advantageous life in capitals in terms of the life opportunities is clearly dominant among Russians, and the residents of the capitals are more satisfied with various aspects of their life and higher assess the existing life chances (which go beyond material well-being and consumption). However, the degree of realization of their own life plans is lower for the capital residents than for residents of the provinces. Moreover, life in capitals is associated not only with a wider space of life opportunities, but also with the greater prevalence of certain risks associated with non-monetary aspects of life.

Keywords: life chances, life opportunities, success, social risks, settlement types, settlement inequality, mass consciousness, quality of life

Acknowledgments. This article is supported by the Russian Science Foundation under grant no. 17-78-20125.

В новых, достаточно непростых экономических условиях, сложившихся к настоящему времени в России, на первый план выходят проблемы уровня и качества жизни населения, причем с точки зрения не только их объективных характеристик, но и субъективного восприятия самим населением. И в этом вопросе нельзя обойти вниманием пространственно-поселенческий срез анализа. Одна из «линий разлома» пространственного неравенства может проходить между крупнейшими российскими городами-мегаполисами и меньшими по численности городскими и сельскими населенными пунктами¹. И действительно, исследования подтверждают, что по социально-экономическому развитию и уровню жизни населения между собой дифференцируются не только разные регионы и города по отношению к селам, но и различные по своей величине города, хотя в наиболее крупных из них (без учета федеральных) неравенство в целом ниже [Зубаревич, 2013]. Показательно также, что, по оценкам экспертов, тип поселения — единственный аскриптивный фактор, вклад которого в общее неравенство доходов в годы постсоветского развития только возростал (до 2013 г., когда крупные города впервые пострадали больше других типов поселений от введения экономических санкций и снижения цен на нефть), в то время как роль других аскриптивных характеристик, наоборот, снижалась — при одновременном увеличении значимости факторов, связанных с человеческим капиталом [Овчарова, Попова, Рудберг, 2016].

Однако преимущества и недостатки повседневной жизни жителей «столиц» и «провинций» могут быть связаны не только с уровнем доходов как таковым, но и с благополучием в широком смысле слова. Более широкое рассмотрение данной проблемы предлагает концепция «жизненных шансов». Подробный обзор теоретических оснований и трансформации понимания жизненных шансов в научной литературе, так же как и попытки ее операционализации для применения к данным эмпирических исследований, представлены в публикациях научного коллектива под рук. Н. Е. Тихоновой (включающего и автора данной статьи), активно работающего в этом направлении в последние годы (см., например, [Anikin et al., 2017], [Тихонова, 2018]). Однако кратко отметим, что начало разработки этой концепции было положено в работах М. Вебера, который ввел понятие жизненных шансов в рамках классового анализа. В его понимании однородные классовые ситуации характеризуются специфическим компонентом, касающимся жизненных шансов и связанным с типичными возможностями «1) обеспечить себя благами, 2) достичь внешней позиции и 3) внутренней самоидентификации» [Вебер, 2016: 334]. Нужно подчеркнуть, что для М. Вебера жизненные шансы связаны в первую очередь с экономическими интересами и обусловлены ситуациями на рынках, распределяющих шансы в соответствии с ресурсами индивидов². Развивая этот подход, отталкивающийся от экономической сферы жизни, Э. Гидденс предлагает рассматривать жизненные шансы как шансы для индивида участвовать в потреб-

¹ Понимая значимость регионального неравенства для России, в данном случае мы оставляем его за рамками рассмотрения.

² Говоря об истоках концепции жизненных шансов, нельзя не упомянуть Р. Дарендорфа, в работах которого жизненные шансы раскрываются через связь совокупности «опций» (альтернативных возможностей выбора, заданных имеющимися ресурсами и возможностями их использования) и «лигатур» (социальных привязок, своего рода системы социально-культурных координат, определяющих выбор в пользу конкретной опции) [Dahrendorf, 1979]. К значимому вопросу важности ценностей для жизненных шансов, поднятому Р. Дарендорфом, мы еще обратимся далее.

лении экономических или культурных благ, создаваемых в обществе [Giddens, 1973]. Однако при дальнейшем развитии концепции жизненных шансов рядом авторов подчеркивается, что *жизненные шансы охватывают целый ряд сфер и областей, несводимых только к экономическим условиям жизни и потреблению — это и характеристики положения в производственных отношениях, и возможности получения образования или дальнейшего наращивания человеческого капитала, и перспективы социальной мобильности* [Erikson, Goldthorpe, 1992], [Mayer, 1997], [Dunkan et al., 1998], [Waldfoegel, 2004]. В трансформировавшейся, более широкой их трактовке жизненные шансы — это «шансы на качественную жизнь и благоприятный опыт на протяжении всего жизненного пути» [Eitzen, Zinn, 1989]. Таким образом, жизненные шансы сегодня понимаются как *возможности реализации целей и формирования желаемой модели жизни* (набор целей и индикаторов для их измерения при этом может варьироваться). Растущий акцент на важность субъективного аспекта при оценке благосостояния [Стиглиц, Сен, Фитусси, 2016] позволяет расширить концепцию жизненных шансов и на сферы социально-психологического благополучия.

Необходимо отметить, что концепция жизненных шансов вышла из границ академической науки и заняла прочные позиции в политической повестке. В качестве примера показательна речь Д. Кэмерона в 2016 г., посвященная жизненным шансам в контексте борьбы с бедностью в Великобритании³; понятие жизненных шансов вошло в оборот публикаций международных организаций — Всемирного банка, ОЭСР. В эмпирических исследованиях пространство жизненных шансов также уже привычно рассматривается как многомерное, включающее в себя не только обеспечение основных потребностей, но и безопасность, самореализацию и карьеру, повышение человеческого капитала, социальную мобильность, комфортную жизнь [Оксамитная, Бродская, 2004], [Anikin et al., 2017].

Попытки построить модель социальной стратификации общества на основании жизненных шансов нами уже предпринимаются, и разработанная модель используется, в том числе, для анализа объективной дифференциации жизненных шансов у жителей различных типов поселений [Anikin et al., 2017], внося свой вклад в понимание объективно существующего пространственного среза неравенства в российском обществе. Однако в данном случае *основной интерес для нас представляют не столько объективные характеристики жизненных шансов, сколько их отражение в массовом сознании населения, т. е. субъективное восприятие*. Важно, что в последние годы именно субъективные оценки социально-экономических явлений все чаще оказываются в центре внимания не только в научной практике [Van Praag, Frijters, Ferrer-i-Carbonell, 2003], но и при принятии управленческих решений — в частности, подчеркивается роль субъективного благосостояния в формировании интегрального качества жизни, а его измерение предлагается включить в исследования официальных статистических организаций [Стиглиц, Сен, Фитусси, 2016]. В контексте нашего исследования, *подобные оценки жизненных возможностей в столицах и провинциях, которые дает само население, не только отражают повседневные реалии*

³ Prime Minister's speech on life chances. Prime Minister's Office, 10 Downing street. 11 January 2016. URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/prime-ministers-speech-on-life-chances>.

жизни россиян в разных типах поселений, но и демонстрируют потенциальные точки формирования социального напряжения между ними, остроту проблемы поселенческого неравенства в общественном сознании.

Эмпирической базой анализа выступили данные общероссийских репрезентативных исследований Института социологии ФНИСЦ РАН и Института комплексных социальных исследований РАН, проведенных в 2003 и 2017 гг.⁴

Как же выглядит пространство жизненных шансов у жителей столиц и регионов в представлениях самого населения? Как свидетельствуют эмпирические данные, в общественном мнении россиян сформировано представление о сохранении в этом отношении поселенческого неравенства: пространство типичных жизненных шансов у жителей российских столиц (Москвы и Санкт-Петербурга⁵) представляется в целом шире, чем у жителей провинций⁶, и проживание в столицах связано с большими возможностями для населения в разных сферах. Более половины россиян оценивают существующие в столицах и провинциях жизненные шансы как равные только в трех жизненных сферах, связанных с формированием своего микромира: создание счастливой семьи (82% отмечают, что для достижения этой цели столицы и провинции предоставляют равные шансы), воспитание хороших детей (68%) и возможность жить так, как хочется (61%). Те россияне, кто считает, что даже в этих сферах возможности жителей столиц и провинций все же различаются, расходятся в оценке того, где они выше — говоря о воспитании хороших детей, огражденных от дурного влияния, чаще упоминают провинции, а о возможности жить свободно — столицы (рис. 1).

Что касается остальных жизненных сфер, то, по мнению населения, более высокая вероятность жить спокойно и без волнений, а также решить жилищную проблему характерна для провинций. В ряде других, более важных для интегрального благосостояния аспектах (получение образования, устройства на работу по специальности, получения властного ресурса, обеспечение высокого уровня жизни), заметно большие возможности, по оценкам россиян, дают их жителям столичные города. В промежуточном в этом отношении положении находятся задачи обеспечения здоровья и открытия своего дела — россияне чаще всего (но все же менее, чем в половине случаев) оценивают такие возможности в разных типах поселений как равные, но среди остальных преобладают представления о том, что в мегаполисах с этими задачами справиться все же проще.

⁴ Общероссийские исследования Института социологии ФНИСЦ РАН в рамках Мониторингового проекта «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах», репрезентирующие население страны по региону проживания, а в рамках каждого региона — по полу, возрасту и типу поселения (волны, проведенные весной 2017 г., и в октябре 2017 г.; $n = 4000$); общероссийское исследование «Мегаполисы и провинции в современной России: образы и реальность» (проведено ИКСИ РАН в декабре 2003 г., $n = 1600$). Выборки исследований репрезентировали население России по региону проживания, а в рамках каждого региона — по полу, возрасту и типу поселения.

⁵ Хотя формально Москва и Санкт-Петербург являются не единственными мегаполисами в стране, но значимо отличаются от остальных городов-миллионников по численности населения. В статье под «столицами»/«мегаполисами», в соответствии с выборкой исследования, далее подразумеваются эти два города.

⁶ Термином «провинции», понимая его условность, мы в данном случае обозначаем все остальные населенные пункты, кроме Москвы и Санкт-Петербурга. В некоторых случаях далее используется также разделение населения провинций на городское (жителей областных, краевых и региональных центров Российской Федерации и жителей других городских поселений) и сельское (жители сел и поселков городского типа).

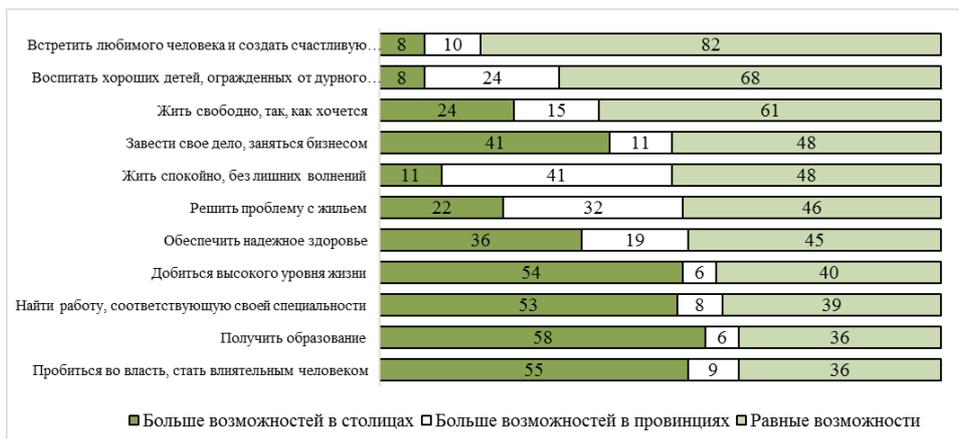

Рис. 1. Оценка россиянами возможностей реализовать жизненные цели в столицах и провинциях, 2017 г., % (отранжировано по оценке «равные возможности»)

Итак, образ провинции с точки зрения имеющих у ее жителей жизненных шансов характеризуется в общественном сознании возможностями создать достаточно комфортный микромир (связанный прежде всего с семьей и жильем) и обеспечить для себя спокойный образ жизни. Жизнь в столицах, в представлениях россиян, дает более широкий спектр жизненных возможностей, связанных с достижительными целями и более свободным образом жизни. Эти представления хорошо отражают восприятие общественным сознанием тех различий между «городским» и «провинциальным» образом жизни, которые проводятся и в теоретико-методологических подходах к изучению процессов урбанизации, подчеркивая особенности городской среды как более разнообразной, дифференцированной, динамичной. Хорошо согласуется в этих образах и тот факт, что, описывая провинцию, россияне чаще всего называют «более теплые человеческие отношения» и «нормальный ритм жизни» (49%, и это представление устойчиво — в 2003 г. с этим были согласны 47%), еще раз подчеркивая положительное отличие провинций в отношении комфортного микромира и личных отношений — традиционно значимого различия городской и сельской культур, скрывающего за собой вопрос соотношения непосредственно-эмоциональных и функционально-ролевых отношений.

Однако приведенные выше средние оценки могут скрывать в себе различия, связанные с тем, что жители крупных городов могут «со стороны» оценивать возможности провинции иначе, чем проживающее там население, и наоборот. Сравнение оценок, которые дают в этом вопросе жители разных типов поселений, показывает, что и проживающие в столицах, и жители городских и сельских провинций в целом выше оценивают жизненные шансы в крупных городах (табл. 1). Жители всех типов поселений сходятся в том, что получить образование и работу по специальности, пробиться во власть и в целом достичь высокого уровня жизни проще для столичного населения. Оценки возможностей завести свое дело и решить проблему с жильем у россиян из разных типов поселений расходятся

ся — столичные жители считают, что такие шансы выше там, где проживают они сами, а жители провинций более склонны оценивать их как равные. По сферам, связанным с семьей, здоровьем, свободной и спокойной жизнью, доминирующим как для жителей столиц, так и для жителей провинций является представление о равных возможностях.

Таблица 1. Оценка россиянами из разных типов поселений возможностей реализовать жизненные цели в столицах и провинциях, 2017 г., % (отранжировано по оценкам в столицах)

Жизненные цели	Место проживания*								
	Столицы			Провинции — городское население			Провинции — сельское население		
	в столицах	в провинции	равные возможности	в столицах	в провинции	равные возможности	в столицах	в провинции	равные возможности
Получить образование	66	7	27	55	6	39	61	4	35
Пробиться во власть, стать влиятельным человеком	63	8	28	53	11	36	55	7	38
Найти работу, соответствующую своей специальности	59	2	39	50	10	40	57	7	36
Добиться высокого уровня жизни	56	3	41	54	7	39	53	5	42
Завести свое дело, заняться бизнесом	48	5	46	40	12	48	41	10	50
Решить проблему с жильем	45	21	34	20	35	46	18	32	50
Обеспечить надежное здоровье	32	21	47	36	19	45	39	18	43
Жить свободно, так, как хочется	25	12	63	24	15	60	23	15	62
Жить спокойно, без лишних волнений	22	24	53	9	45	47	10	41	49

Жизненные цели	Место проживания*								
	Столицы			Провинции — городское население			Провинции — сельское население		
	в столицах	в провинции	равные возможности	в столицах	в провинции	равные возможности	в столицах	в провинции	равные возможности
Встретить любимого человека и создать счастливую семью	11	5	85	8	10	82	8	11	81
Воспитать хороших детей, огражденных от дурного влияния	8	24	68	9	23	69	6	26	68

* Здесь и далее под городским населением провинций подразумеваются проживающие в областных и районных центрах, под сельским населением — жители ПГТ и сел.

Данные показывают, что общественные представления в этом отношении достаточно заметно трансформировались по сравнению с 2003 г., и основной тенденцией стало сближение в глазах россиян тех жизненных возможностей, которые существуют у жителей столиц и провинций — доли тех, кто считает, что разные типы поселений предоставляют схожие возможности для реализации различных жизненных целей, возросли (табл. 2). К возможным причинам подобной динамики мы еще обратимся ниже, пока же отметим, что это говорит о постепенном снижении остроты восприятия поселенческого неравенства и сближении «разных России» в общественном сознании, хотя дистанция между ними, безусловно, пока сохраняется, и довольно значительная.

Таблица 2. Динамика оценки россиянами из разных типов поселений возможностей реализовать жизненные цели как равных в столицах и провинциях, 2003/2017 гг., % (городское население, отранжировано по оценкам жителей столиц в 2017 г.)*

Жизненные цели	Место проживания					
	Столицы		Провинции — центры субъектов РФ		Провинции — районные центры	
	2003	2017	2003	2017	2003	2017
Встретить любимого человека и создать счастливую семью	71	85	79	83	77	80
Воспитать хороших детей, огражденных от дурного влияния	64	68	64	71	50	67
Жить свободно, так, как хочется	46	63	50	57	44	64
Обеспечить надежное здоровье	32	47	40	48	32	43

Жизненные цели	Место проживания					
	Столицы		Провинции — центры субъектов РФ		Провинции — районные центры	
	2003	2017	2003	2017	2003	2017
Завести свое дело, заняться бизнесом	30	46	46	46	45	50
Найти работу, соответствующую своей специальности	14	39	33	35	31	44
Решить проблему с жильем	31	34	33	43	31	48
Пробиться во власть, стать влиятельным человеком	20	28	25	33	26	38
Получить образование	9	27	28	39	23	38

* Серым фоном выделены позиции, изменения по которым составили более 10 п. п. Жирным шрифтом выделены изменения качественного характера.

Однако эти изменения происходили неравномерно как в отношении разных жизненных аспектов, так и среди жителей разных типов населенных пунктов. Рост представлений о выравнивании возможностей между столицами и провинциями в большей степени затронул жителей столиц, далее следовали жители «малой провинции» (районных центров). В то же время население областных и краевых центров характеризовалось менее выраженными в количественном отношении изменениями соответствующих оценок. Что же касается возможностей, относящихся к различным сферам жизни, то наибольший относительный рост в оценках жителей мегаполисов продемонстрировало равенство возможностей между столицами и провинциями в отношении получения образования (с 9 % до 27 % за период с 2003 по 2017 гг.) и нахождения подходящей по специальности работы (с 14 % до 39 %) — хотя в целом шансы в каждой из этих сфер, по их мнению, остаются все же выше в столичных городах. Оценки жителей региональных и районных центров в наиболее значительной степени изменились также в отношении образования. Жители крупных нестолических городов стали чаще говорить о равенстве возможностей в получении ресурса влияния, а жители районных центров — в решении жилищной проблемы.

С точки зрения проблемы социальной напряженности важно отметить, что выявленные тенденции способствуют тому, что «противостояние» между Москвой и «не-Москвой» воспринимается в общественном сознании все более спокойно — в число основных противоречий в российском обществе его включили только 12 % россиян, хотя еще в 2003 г. аналогичная доля была в разы выше и составляла 33 %. Трансформация представлений о пространстве жизненных шансов, доступном для жителей столиц и других населенных пунктов, отражается и в некотором изменении образа провинции, сформированного в массовом сознании. Так, например, по сравнению с 2003 г., к 2017 г. доля тех, кто считает, что человеку с современными запросами в провинции жить трудно и неинтересно, значительно сократилась (с 29 % до 19 %).

Однако различия в восприятии пространства жизненных шансов, доступных в разных типах поселений, все же остаются достаточно заметными и сегодня. Они находят косвенное подтверждение и в том, как население, проживающее в мега-

полисах и провинциях, оценивает общую динамику этого пространства в российском обществе в 2000-е годы. Жители столиц чаще отмечают, что приобретениями этого периода стала возможность зарабатывать без ограничений, новые рабочие места, расширение доступа к высшему образованию — то есть *расширение пространства шансов, связанных с различными каналами социальной мобильности и улучшения своего положения* (табл. 3). Видимо, это те возможности, которыми они сами или их ближайшее окружение смогли в той или иной мере воспользоваться и которые в большем масштабе повлияли именно на жителей столичных городов. С другой стороны, и жители мегаполисов, и жители провинций с одинаковой частотой говорят о приобретениях 2000-х годов, связанных с насыщением рынка товарами, ростом благосостояния населения, то есть *в отношении материального положения и потребления жизненные шансы в 2000-е годы трансформировались (с точки зрения самого населения) относительно равномерно в пространственном отношении*. Это же относится и к возможностям вести интересную жизнь, отвечающую собственным запросам. Однако конкретные запросы на самореализацию и содержательное наполнение «интересной жизни» у жителей разных типов поселений могли различаться, и к этому вопросу мы еще обратимся ниже.

Таблица 3. Оценки динамики жизненных шансов населения страны в разных сферах в 2000-е годы среди жителей разных типов поселений, 2017 г., %

Считают, что приобретениями для общества в 2000-е годы стало:	Место проживания		
	Столицы	Провинции — городское население	Провинции — сельское население
Расширение доступа к высшему образованию	70	59	57
Новые рабочие места	67	58	51
Возможность зарабатывать без ограничений	56	44	40
Насыщение рынка товарами	78	78	76
Большие возможности для самовыражения и личной карьеры	63	62	63
Жизнь стала ярче, интереснее, динамичнее	59	56	58
Рост благосостояния значительной части населения, появление среднего класса	55	56	53

Отличается ли в постепенно выравнивающихся, но пока далеко не равных условиях пространства жизненных шансов степень реализации своих жизненных целей у населения столиц и провинций? Запросы жителей столиц могут быть выше, чем у жителей провинций; соответственно, даже при больших жизненных шансах самооценки своих достижений у них могут оказаться относительно ниже. Как свидетельствуют данные, приведенные на рис. 2, именно это и имеет место в реальности. Хотя среди столичных жителей больше тех, кто еще не готов подводить итоги и думает, что сможет в будущем добиться того, что пока не удалось, доля достигнувших всего, к чему они стремились, среди них заметно ниже и со-

ставляет лишь 5% — при 12% среди городского и 17% среди сельского населения провинций, а доля тех, кто считает, что ничего в жизни не достиг, наоборот, выше, чем в других типах населенных пунктов.

Рис. 2. Степень реализации жизненных планов у жителей различных типов поселений, 2017 г., %

Показательно, что если выделить только тех россиян, которые дали определенную оценку степени своих жизненных достижений, не рассчитывая на изменение этой ситуации в будущем, то различия становятся еще ярче; не меняется она и при анализе отдельных доходных групп или же возрастных когорт, которые, безусловно, отличаются в оценках своих достижений — как уже реализованных, так и еще предстоящих. Россияне из одних и тех же возрастных когорт, но проживающие в разных типах поселений, по-разному оценивают степень реализации своих жизненных планов — в провинции (особенно сельской) эти оценки оказываются выше — так, например, среди столичной молодежи только 10% считают, что они уже многого добились (и при этом никто не утверждает, что добился всего, чего хотел), в то время как в провинции доля выбирающих такие ответы составляет в совокупности более 20%. Среди населения старше 70 лет, проживающего в столицах, всего желаемого достигли, по их собственным оценкам, 22% — в то время как в провинциальных городах эта доля составляет 29%, а в селах — почти треть (32%). При этом считают, что им практически ничего не удалось добиться, 12% жителей столиц из данной возрастной когорты при 2% среди жителей провинций. Аналогичная картина наблюдается и при рассмотрении разных доходных групп.

Еще одно проявление этой же тенденции наблюдается в распространенности гордости за свои достижения. Жители столиц разделились в этом отношении на три схожие по численности группы: 33% гордятся своими достижениями, 36% не гордятся и 31% затрудняются с ответом. В городской провинции доля первых возрастает до 55%, а вторых — снижается до 20%, в сельской провинции это соотношение сохраняется.

Таким образом, жители столиц в меньшей степени удовлетворены ситуацией с реализацией своих жизненных целей и считают себя успешными, чем жители провинций, особенно сел. Одной из причин такой ситуации могут быть разные стандарты, которые предъявляют к своим жизненным целям и планам жители разных типов поселений. Более широкие возможности, которые, по мнению боль-

шинства россиян, открывают сегодня для людей крупные города, наблюдаемая ими дифференциация жизненных траекторий (которая демонстрирует более широкое пространство возможных достижений в совершенно разных областях) приводит и к повышению той «планки», которая кажется желаемой для их жителей, а невозможность в полной мере реализовать на практике все, что теоретически кажется возможным, особенно в условиях проживания в «точке концентрации» различных возможностей — мегаполисе, определяет более скромные оценки своих достижений в целом. Поэтому такие показатели во многом зависят от точки отсчета. И в этом плане важно, что если отвлечься от субъективного восприятия достижений и обратиться к оценкам разных аспектов жизни, то жители столиц все же в большей степени удовлетворены различными аспектами своей жизни и выше оценивают свои жизненные шансы, причем это касается не только шансов, связанных с потреблением, но и относящихся к возможностям накопления и использования человеческого капитала, социальному окружению, отдыху и досугу, оценке места проживания (табл. 4). Исключения составляют только оценки экологической ситуации и личной безопасности.

Таблица 4. **Оценки различных аспектов жизни и жизненных шансов жителями разных типов поселений, 2017 г., %***

Аспекты жизни	Доля оценок «хорошо»			Разница оценок «хорошо» и «плохо»		
	Столицы	Провинции — городское население	Провинции — сельское население	Столицы	Провинции — городское население	Провинции — сельское население
<i>Материальное положение и потребление</i>						
Материальная обеспеченность	24	17	19	5	-2	-3
Питание	44	37	34	38	33	26
Возможности одеваться	41	29	21	31	21	6
Жилищные условия	44	36	34	33	26	22
<i>Накопление и использование человеческого капитала</i>						
Состояние здоровья	41	32	27	27	19	10
Возможность реализовать себя в профессии	29	26	21	12	14	-2
Возможность получения образования и знаний, которые необходимы	33	27	19	18	15	-4

Аспекты жизни	Доля оценок «хорошо»			Разница оценок «хорошо» и «плохо»		
	Столицы	Провинции — городское население	Провинции — сельское население	Столицы	Провинции — городское население	Провинции — сельское население
Возможность получить качественную медицинскую помощь, в том числе платную	24	15	12	-6	-12	-26
<i>Социальное окружение</i>						
Отношения в семье	66	55	50	61	53	42
Возможность общения с друзьями	61	48	36	55	45	26
<i>Отдых и досуг</i>						
Возможности проведения досуга	39	29	23	21	18	-1
Возможность отдыха в период отпуска	35	21	19	9	7	-12
<i>Место проживания</i>						
Место проживания (город, поселок, село)	58	35	34	48	32	23
Уровень личной безопасности	29	31	31	20	19	24
Экологическая ситуация в месте проживания	22	22	36	-1	7	22
<i>Политическая сфера</i>						
Возможность выражать свои политические взгляды	27	23	26	13	13	13
<i>Интегральная оценка жизни</i>						
Жизнь в целом складывается	41	28	25	34	23	15

* Серым фоном выделены отрицательные значения разницы оценок «хорошо» и «плохо».

Кроме того, если говорить о реальном опыте столкновения с серьезными проблемами, связанными с материальным положением и уровнем жизни, то жители столиц за последний год заметно реже сталкивались с ними (за год до опроса они

серьезно осложняли жизнь только 18 % жителей столиц при 33 % населения провинции). Относительно реже страдали они и от проблем с питанием или одеждой, хотя проблемы такого рода на серьезном уровне, связанном с возможностями физического выживания, вообще в целом уже не свойственны российскому населению, преодолевшему экстремальную бедность [Овчарова, 2014; Anikin et al., 2016]. Однако ряд других проблем, не связанных с доходами, в большей степени затрагивал именно столичных жителей — и среди них в первую очередь проблемы со здоровьем (их отмечали в числе мешающих нормальной жизни 32 % жителей мегаполисов при 23 % в провинциях), отсутствие времени на все необходимые дела (20 % по сравнению с 11 % в провинциях), отсутствие внимания со стороны других людей (13 % и 3 % соответственно), отсутствие возможностей общения с родственниками и друзьями (9 % и 2 % соответственно). Все эти аспекты тоже характеризуют *пространство жизненных шансов, которое, с одной стороны, оказывается у жителей Москвы шире, но с другой — сопряжено с рядом рисков, нехарактерных для населения провинций (и в меньшей степени характерных для Санкт-Петербурга)*. Оценки собственной ситуации находят в итоге отражение в восприятии пространства жизненных шансов у жителей столиц и провинций — недаром вторые в общественном мнении наделяются такими характеристиками, как «нормальный» ритм жизни (лишенный рисков отсутствия времени) и большие шансы на обеспечение для себя комфортного социального микромира. Разные типы мешающих нормальной жизни проблем приводят и к различиям в тех «планках», относительно которых жители разных типов поселений оценивают свою успешность в жизни.

Само понимание жизненного успеха в силу социокультурных особенностей населения разных типов поселений может быть разным — недаром различия городской и сельской культуры, в том числе и в этом аспекте, традиционно являются предметом социологического анализа — начиная еще с К. Маркса и М. Вебера. Урбанизация, причем понимаемая не столько как рост численности городского населения, сколько как распространение городской культуры и образа жизни, рассматривается целым рядом авторов (Ф. Теннис, Э. Дюркгейм, Н. Смелзер, С. Хантингтон и др.) как один из аспектов процесса модернизации, понимаемой как переход традиционных обществ к качественно новому состоянию, характеризующемуся в том числе иными нормативно-ценностными моделями с акцентом на индивидуализм, рациональность, личную ответственность, дифференциацию возможных жизненных траекторий и т. д. Это понимание нашло отражение и в советской научной литературе, в которой, начиная с 1960-х годов, урбанизация рассматривалась как процесс интеграции разнообразных форм жизнедеятельности, характеризующийся особым, городским образом жизни, проявляющимся в специфике норм и ценностей, общественных отношений, мобильности и пр. [Ахиезер, Коган, Яницкий, 1969], [Коган, 1972]. Такое понимание определяет ожидаемые различия в «социокультурных портретах» жителей столиц и провинций, которые могут проявляться и в разном определении желаемых для себя целей и жизненного успеха в целом.

Применительно к России различные исследования уже показывали, что в структуре жизненных целей есть консолидирующие разные группы населения, свя-

занные прежде всего с традиционалистскими ценностями — зоной социального окружения, гармонией, повседневной жизнью, а также и дифференцирующие их — в первую очередь это различные достижительные мотивации [Седова, 2016]. Можно ли провести между столицами и провинциями черту по границе «традиционализм — модерн»? Данные демонстрируют, что ситуация не так однозначна. *Описывая жизненный успех, жители и столиц, и провинций сходятся в его ключевых элементах, которыми выступают наличие семьи и детей, а также интересная работа.* Однако если в провинциях важность наличия семьи безусловно превышает важность наличия интересной работы (особенно это относится к селам, где эти показатели жизненного успеха отмечают 72 % и 46 % жителей), то в представлениях жителей столиц они оказываются равноценными.

Чуть более трети россиян и в столичных, и в провинциальных поселениях связывают успех с наличием одновременно и семьи, и интересной работы. При этом не включают ни одну из этих составляющих в понимание жизненного успеха только 20 % жителей провинций, в то время как в мегаполисах эта доля возрастает до 29 %, что свидетельствует о *формировании в них иной жизненной модели, предполагающей понимание жизненного успеха, отличное от доминирующих в российской национальной культуре представлений.*

На третьем месте по распространенности среди признаков жизненного успеха находится наличие надежных друзей — этот элемент чаще включают в свое понимание успеха жители столиц, чем провинций. Возможно, в этом качестве он частично замещает для них другой элемент, связанный с формированием ближайшего социального окружения — семью, который также претерпевает определенную трансформацию в условиях растущей вариативности жизненных траекторий, свойственной жителям крупнейших городов.

В отношении остальных составляющих жизненного успеха *мнения россиян, проживающих в столицах и провинциях, расходятся: жители первых чаще говорят о важности свободы — возможности быть самому себе хозяином и о ярких впечатлениях, в то время как для вторых важнее оказывается уважение окружающих, а также честно прожитая жизнь.* Ориентация на яркие впечатления как один из индикаторов жизненного успеха наиболее ярко выражена у тех, кто не только живет, но и родился в мегаполисах (39 %), то есть социализировался не в «малой России», а в столичной среде.

Ярко проявляются различия между столицами и провинциями в выборе в качестве показателя жизненного успеха возможности жить не хуже других — среди столичных жителей ее отмечают только 19 %, в то время как в провинциальных городах эта доля возрастает до 26 %, а в селам — до 30 %. Понимание жизненного успеха через возможность поддерживать типичный, принятый в окружении образ жизни достаточно тесно связано с уровнем жизни и его субъективным восприятием: чем выше удовлетворенность собственным материальным положением, тем

⁷ Отметим, что с методологической точки зрения мы несколько ограничены возможностями массива, в котором этот вопрос был представлен в закрытой форме для множественного выбора ответов. Возможно, открытые ответы могли бы несколько расширить понимание жизненного успеха в некоторых подгруппах населения. Однако предыдущие исследования показывают, что представленные в вопросе варианты ответа охватывают все ключевые для россиян домены — см., например, результаты исследования ИС РАН, посвященные мечтаниям россиян о себе и обществе [О чем мечтают россияне, 2013].

реже возможность «жить как все» включается в показатели жизненного успеха. Однако даже в подгруппах с одинаковой оценкой своего материального положения этот признак жизненного успеха реже остальных упоминают жители мегаполисов, а чаще всего — жители сел, демонстрируя в этом отношении важность традиционалистских ориентаций.

Показательно при этом, что россиянам вообще в целом не свойственно связывать жизненный успех со статусными материальными составляющими. Так, богатство считают показателем успеха только 15 %, а наличие престижной собственности — 11 %, причем различия в этом отношении между населением столиц и провинций невелики (табл. 5). Это отнюдь не говорит о том, что материальная составляющая не важна для жизненных моделей населения — наоборот, как показывают исследования, стремление «жить в достатке» является наиболее распространенной мечтой россиян [О чем мечтают россияне, 2013]. С другой стороны, стремление к статусности — стать богатыми, занять высокое положение в обществе, иметь бизнес, — как уже показали предыдущие исследования, не свойственно большинству россиян, и даже те, кто теоретически хотел бы этого добиться, в большинстве своем не верят в возможность реализации этих целей на практике [Седова, 2016]. Иначе выглядит ситуация с устремлениями, связанными с микромиром и обустройством личной жизни, а также получением интересной и любимой работы, наличие которых объединяет подавляющее большинство россиян. С такими особенностями целевых установок населения неудивительно, что жизненный успех связывается россиянами прежде всего с достижением подобных целей, а известность, популярность, обладание властью не воспринимаются как индикаторы жизненного успеха в массовом сознании.

Таблица 5. Элементы жизненного успеха в представлениях россиян, проживающих в разных типах поселений, 2017 г., %*

Элементы жизненного успеха	Столицы	Провинции — городское население	Провинции — сельское население
Наличие семьи и детей	53	66	72
Интересная работа	53	47	46
Наличие надежных друзей	47	41	41
Возможность быть самому себе хозяином	38	24	23
Яркие жизненные впечатления	35	28	20
Честно прожитая жизнь	30	31	34
Уважение окружающих	28	40	42
Возможность жить не хуже других	19	26	30
Высокая должность	17	15	9
Быть первым во всем, что кажется важным	12	10	9

Элементы жизненного успеха	Столицы	Провинции — городское население	Провинции — сельское население
Наличие престижной собственности (иномарка, коттедж и т. п.)	12	11	11
Богатство	11	17	11
Достижение известности, популярности	5	6	6
Победа над своими врагами	3	5	6
Обладание властью	1	5	3

* Допускалось до пяти ответов. Серым фоном выделены пять наиболее распространенных ответов для жителей разных типов поселений.

Таким образом, успех в массовых представлениях российского населения связан в первую очередь не с материальными достижениями, а с реализацией в социальной и производственной сферах. При этом в столицах начинают формироваться альтернативные модели успешных жизненных моделей — их жители наделяют большим значением ценности свободной самореализации и жизненного разнообразия, в то время как в провинции важнее остаются более распространенные в России установки на честную и заслуживающую уважения окружающую жизнь, характеризующие традиционные нормативно-ценностные системы. Расширение трактовок жизненного успеха, понимание его вариативности и соответствующий рост запросов при невозможности их реализовать приводят к более скромной оценке жителями мегаполисов своих реальных достижений, в то время как для жителей провинций, с учетом специфики традиционного понимания жизненного успеха (связанного прежде всего с микромиром и поддержанием «серединного» статус-кво), добиться его оказывается проще — в этом отношении тип поселений не задает для них структурных ограничений. В связи с этим вновь обратимся к истокам концепции жизненных шансов и проблеме важности для них «привязки» к группам и ценностям, которую начал разрабатывать Р. Дарендорф [Dahrendorf, 1979]. Преобладание в обществе в целом и в разных типах поселений россиян, нацеленных на традиционные и более доступные для реализации цели, способствует сглаживанию остроты восприятия пространственного неравенства жизненных шансов в представлениях населения, поскольку, по мнению большинства, для реализации таких целей столицы и провинции представляют относительно равные возможности. Видимо, это одна из причин наблюдаемого выравнивания в глазах населения тех возможностей, которые существуют у жителей столиц и провинций.

Другие причины снижения остроты восприятия поселенческого неравенства — вопрос, требующий отдельного анализа, однако мы можем выдвинуть определенные гипотезы. Во-первых, как уже упоминалось выше, столицы объективно характеризуются не только более широким пространством жизненных возможностей, но и расширенным пространством рисков, что снижает их привлекательность в глазах населения, особенно стремящегося к комфортному микромиру, ориентированному на стабильность, а не перемены, которые могут продуцировать эти риски. Понимание рисков, характеризующих жизнь в столицах, снижает при-

влекательность предоставляемых ими шансов. Во-вторых, данные исследований показывают, что последние годы характеризуются ростом численности срединных слоев российского общества, причем это характеризует модели стратификации, построенные как по основанию доходов [Мареева, 2018], так и по основанию жизненных шансов [Тихонова, 2018]. Подобное «выравнивание по среднему» означает, что все большая доля российского населения оказывается в качественно схожей ситуации по уровню и качеству своей жизни (которые при этом достаточно скромны, хотя и далеки уже от стандарта выживания), и эта срединная ситуация, хотя и имеет свои пространственные различия, все же оказывается качественно близка и для столиц, и для провинций, что также приводит к сглаживанию «границы благополучия» между ними в глазах населения. Наконец, неравенство продолжает оставаться важнейшей проблемой и «болевым точкой» в глазах населения, однако наиболее острым является, в представлениях населения, доходное неравенство, связанное с качественным отрывом малочисленной «верхушки» от основного населения, формирующимся во многом на нелегитимных основаниях [Мареева, Тихонова 2016]. В этих условиях остроты восприятия доходного неравенства пространственный его срез может отходить на второй план.

Однако даже при отмеченной тенденции сокращения остроты восприятия поселенческого неравенства различия в оценках жизненных шансов у жителей столиц и провинций все же сохраняются, и жизнь в столицах, в представлениях россиян, дает более широкий спектр жизненных возможностей, связанных с достижительными целями, получением желаемых образования и работы, властного ресурса, и в итоге — возможностью формировать более свободный и разнообразный образ жизни. При этом в столицах начинают формироваться альтернативные модели жизненного успеха, в большей степени связанные с ценностями свободной самореализации и разнообразия в противовес характерным для традиционалистских систем элементам комфортного микромира (семья — друзья — работа, честная и стабильная жизнь), хотя они и не являются пока доминирующими. При этом столичные жители, выше оценивая свои жизненные шансы и жизнь в целом, чаще сталкиваются и с различного рода рисками, а их растущие запросы и ожидания в рамках новых моделей жизненного успеха приводят к разочарованиям в собственных достижениях, в заметно меньшей степени свойственным жителям провинций, более оптимистично оценивающим свои успехи в достижении поставленных целей.

Список литературы (References)

- Ахиезер А. С., Коган Л. Б., Яницкий О. Н. Урбанизация, общество и научно-техническая революция // Вопросы философии. 1969, № 2. С. 43—53.
- Akhiezer A. S., Kogan L. B., Yanitskii O. N. (1969) Urbanization, society and research and technology revolution. *Voprosy Filosofii*. No. 2. P. 43—53. (In Russ.)
- Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии / пер. с нем. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2016.
- Weber M. (2016) *Wirtschaft und Gesellschaft: Grundriss der verstehenden Soziologie*. Moscow: HSE Publishing House. (In Russ.)

Зубаревич Н. В. Крупные города России: лидеры и аутсайдеры // Демоскоп Weekly. 2013. № 551—552. С. 15—30.

Zubarevich N. V. (2013) Large Russian cities: leaders and outsiders, Demoscope Weekly. No. 551—552. P. 15—30. (In Russ.)

Коган Л. Б. Урбанизация и некоторые вопросы городской культуры // Урбанизация, научно-техническая революция и рабочий класс / отв. ред. О. Н. Яницкий. М. : Наука, 1972.

Kogan L. B. (1972) Urbanization and Some Issues of Urban Culture In: *Urbanization, scientific and technological revolution and the working class*. Ed. by Yanitskii O. N. Moscow: Nauka. (In Russ.)

Мареева С. В. Среднедоходная группа в российском обществе: положение и динамика // Материалы XIX Апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества, 2018. URL: <https://events-files-bpm.hse.ru/files/4701CFDE-688C-4550-914E-682F82DB7E3D/Мареева.docx> (дата обращения: 20.11.2018).

Mareeva S. V. (2018) Middle income group in Russian society: situation and dynamics. *Proceedings of the XIX April International Academic Conference on Economic and Social Development*. URL: <https://events-files-bpm.hse.ru/files/4701CFDE-688C-4550-914E-682F82DB7E3D/Мареева.docx> (accessed: 20.11.2018) (In Russ.)

Мареева С. В., Тихонова Н. Е. Бедность и социальные неравенства в России в общественном сознании // Мир России: Социология, этнология. 2016. Т. 25. № 2. С. 37—67.

Mareeva S. V., Tikhonova N. E. (2016) Public perceptions of poverty and social inequality in Russia. *Mir Rossii [Universe of Russia]*. Vol. 25. No. 2. P. 37—67. (In Russ.)

О чем мечтают россияне: идеал и реальность / под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, Н. Е. Тихоновой. М. : Весь Мир, 2013.

What do Russians dream of: the ideal and reality / Ed. M. K. Gorshkov, R. Krumm, N. E. Tikhonova (2013) Moscow: Ves Mir Publ. (In Russ.)

Овчарова Л. Н., Попова Д. О., Рудберг А. М. Декомпозиция факторов неравенства доходов в современной России // Журнал Новой экономической ассоциации. 2016. № 3 (31). С. 170—186.

Ovcharova L. N., Popova D. O., Rudberg A. M. (2016) Decomposition of Income Inequality in Contemporary Russia. *Journal of the New Economic Association*. No. 3(31). P. 170—186. (In Russ.)

Овчарова Л. Н. Доходы, неравенство, бедность: вызовы в условиях неопределенности // Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации «Человеческое развитие в условиях экономической неустойчивости» / под общ. ред.: Л. М. Григорьев, С. Н. Бобылев. М. : Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации, 2014. С. 63—83.

Ovcharova L. N. (2014) Income, Inequality, Poverty: Challenges under Uncertainty. In: *Human Development Report in the Russian Federation: Human Development*

in Conditions of Economic Instability / Ed. by L. M. Grigoriev, M. Bobylev. Moscow: Analytical Center for the Government of the Russian Federation. P. 63—83. (In Russ.)

Оксамитная С. Н., Бродская С. Социальный класс как фактор дифференциации жизненных шансов // Социология: теория, методы, маркетинг. 2004. № 4. С. 24—42.
Oksamitnaya S. N., Brodskaya S. (2004) Social Class as a Factor of Differentiation in Life Chances. Sociology: Theory, Methods, Marketing. No. 4. P. 24—42. (In Russ.)

Седова Н. Н. Жизненные цели и стратегии россиян: контекст пассионарности // Социологический журнал. 2016. Т. 22. № 2. С. 73—91.
Sedova N. N. (2016) Russians' Life Goals and Strategies in a Passionarity Context. Sociological Journal. Vol. 22. No. 2. P. 73—91. (In Russ.)

Стиглиц Д., Сен А., Фитусси Ж. П. Неверно оценивая нашу жизнь : Почему ВВП не имеет смысла. Доклад Комиссии по измерению эффективности экономического и социального прогресса. М. : Издательство Института Гайдара, 2016.
Stiglitz J., Sen A., Fitoussi J.-P. (2016) Report of the Commission on the Measurement of Economic Performance and Social Progress (CMEPSP). Moscow: Publishing House of the Gaidar Institute. (In Russ.)

Тихонова Н. Е. Стратификация по жизненным шансам массовых слоев современного российского общества // Социологические исследования. 2018. № 6. С. 53—65. <https://doi.org/10.7868/S0132162518060053>.

Tikhonova N. E. (2018) Stratification by life chances of mass strata in modern Russian society. Sociological Studies. No. 6. P. 53—65. (In Russ.)

Аникин В. А., Лежнина Ю. П., Мареева С., Сlobоденюк Е. Д., Тихонова Н. Е. (2016) Income Stratification: Key Approaches and Their Application to Russia / NRU HSE. Series WP BRP / PSP “Public and Social Policy”. No. WP BRP 02/PSP/2016. <https://doi.org/10.2139/ssrn.2890901>.

Anikin V. A., Lezhnina Y. P., Mareeva S. V., Tikhonova N. E. (2017) Social Stratification by Life Chances: Evidence from Russia / NRU HSE. Series WP BRP “Sociology”. No. 80/SOC/2017.

Dahrendorf R. (1979) Life chances: Approaches to social and political theory. Chicago: University of Chicago Press.

Duncan G., Yeung W., Brooks-Gunn J., Smith J. (1998) How much does childhood poverty affect the life chances of children? American Sociological Review. P. 406—423. <https://doi.org/10.2307/2657556>.

Eitzen D. S., Zinn M. B. (1989) The Reshaping of America: Social Consequences of the Changing Economy. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice Hall.

Erikson R., Goldthorpe J. (1992) The constant flux: A study of class mobility in industrial societies. Oxford: Clarendon Press.

Giddens A. (1973) The Class Structure of the Advanced Societies. London: Hutchinson.

Mayer S. (1997) *What money can't buy: Family income and children's life chances*. Harvard University Press.

Van Praag B. M., Frijters P., Ferrer-i-Carbonell A. (2003) The Anatomy of Subjective Well-being. *Journal of Economic Behavior & Organization*. 51(1). P. 29—49. [https://doi.org/10.1016/S0167-2681\(02\)00140-3](https://doi.org/10.1016/S0167-2681(02)00140-3).

Waldfogel J. (2004) Social mobility, life chances, and the early years. LSE STICERD Research Paper No. CASE088. URL: <https://ssrn.com/abstract=1159319> (accessed: 20.11.2018).